

— Я весь в грязи, сначала в душ, — Хань Дун устало улыбнулся Су Мо и скрылся за дверью ванной.

Настроение Су Мо заметно улучшилось. Он развернулся и пошел на кухню греть ужин.

— Су Мо, достань мне из шкафа чистую одежду. И трусы не забудь! — донеслось из-за двери.

Су Мо нашел все необходимое и постучал. Дверь тут же распахнулась: Хань Дун стоял перед ним совершенно голый, ничуть не смущаясь. Вид у него был изможденный.

Он мазнул взглядом по ссадинам на лице Су Мо, едва заметно нахмурился, но тут же вернул себе привычный развязный вид.

— Чую, едой пахнет. Жди, я мигом.

За столом Хань Дун ел с огромным аппетитом. Су Мо, который за весь день не проглотил ни крошки, тоже внезапно почувствовал голод.

— Когда ты готовить-то научился?

— В шестнадцать, — вывел Су Мо в блокноте.

— Давненько я не ел ничего вкуснее. Похоже, придется мне к тебе приклеиться намертво, — Хань Дун потянулся за добавкой. Пожевав немного, он тихо спросил: — Лицо сильно болит?

Су Мо качнул головой и написал на заранее заготовленном листе:

«У тебя теперь не будет проблем?»

— Мать с адвокатом вытащили под залог. Больничные я оплатил, договорились полюбовно.

«Говорят, ты его сильно изувечил. Он останется калекой?»

— Неважно. Тебе об этом думать не надо. Просто живи спокойно.

Су Мо сглотнул, взял палочки и продолжил есть. Он подложил Хань Дуну кусок ребрышка, на что тот лишь довольно усмехнулся:

— Ну, значит, не зря я тебя так жалею.

Жалеет? Хань Дун и впрямь, кажется, за него всем сердцем болел.

— Останешься на ночь? — Хань Дун вскинул бровь. Выглядел он при этом чертовски красиво.

Су Мо отрицательно покачал головой.

— «Нет» не принимается.

Су Мо уже потянулся за ручкой, чтобы возразить, но Хань Дун бесцеремонно выхватил блокнот и отшвырнул его в сторону.

— Не пиши мне всякую ерунду. Всё, ешь давай.

«Самодур», — пронеслось в мыслях у Су Мо.

Раны не позволяли Су Мо нормально вымыться, так что он просто обтерся влажным полотенцем. Когда он зашел в боковую спальню, то обнаружил, что там нет ни подушки, ни одеяла. Он обернулся: Хань Дун вальяжно подпирал дверной косяк.

— Спи в моей комнате.

Су Мо нахмурился, выражая явное недовольство, но Хань Дуна это только позабавило.

— Ну чего ты? Неужели тебе так противно со мной под одним одеялом лежать? Идем, я осматрю твои раны. У меня есть мазь одна, заживляет на раз.

«Я уже мазал», — быстро написал Су Мо.

— И кто мазал?

«Мама».

— Мать и сын — это, конечно, хорошо, но правила приличия никто не отменял. Ты мужчина, она женщина.

Су Мо вытаращил глаза.

«Это же моя мать!»

— И что, она от этого женщиной быть перестала? — Хань Дун иронично выгнул бровь.

«Ты больной!!!»

Су Мо попытался протиснуться мимо него, чтобы забрать свои вещи, но как только он оказался в спальне Хань Дуна, дверь за его спиной громко захлопнулась.

Опять он за свое — вечно запирает его в комнате. Су Мо обернулся и увидел, как Хань Дун копается в аптечке, выуживая антисептики, мази и ватные палочки. Его широкая спина внушала странное чувство защищенности. Злость Су Мо мгновенно улетучилась.

— Я просто не спокоен, понимаешь? Проверю — и иди на все четыре стороны, если так хочется. Идет? — голос Хань Дуна внезапно стал мягким, а взгляд — полным искреннего беспокойства.

«Так он оставил меня только ради того, чтобы обработать раны?»

От этой мысли на душе у Су Мо стало удивительно тепло. Он присел на край кровати и стянул футболку.

— И штаны тоже.

Су Мо замялся. Раны на ногах и бедрах действительно ныли, и перед матерью ему было неловко раздеваться, но здесь... Он редко позволял кому-то видеть себя таким беззащитным.

— Да ладно тебе, оба мужики, чего стесняться? У меня всё то же самое, только побольше, — Хань Дун выдал это с такой обезоруживающей наглостью, что Су Мо лишь вздохнул.

Справившись со смущением, он снял штаны и неловко подогнул ноги, ожидая осмотра. У Су Мо была стройная фигура; он еще не успел заматереть, как Хань Дун, но пропорции его тела были безупречны. Кожа — белая, чистая, — он казался каким-то утонченно-красивым.

Только теперь эта белизна была сплошь покрыта синяками, кровоподтеками и ссадинами.

Глядя на изувеченного парня, Хань Дун едва сдерживал ярость. Заметив, что тот помрачнел, Су Мо быстро нацарапал в блокноте:

«А ну-ка успокойся. Ты лечить меня собрался или злиться?»

Он понимал, что гнев Хань Дуна направлен на тех подонков, и меньше всего хотел, чтобы тот снова ввязался в неприятности.

— Какая еще ярость? Нет у меня никакой ярости, — Хань Дун присел рядом и начал аккуратно, сантиметр за сантиметром, обрабатывать раны ватной палочкой.

«У тебя в глазах искры летят», — написал Су Мо, а следом добавил: — «Хань Дун, я благодарен тебе за всё. Но можешь ты в будущем вести себя тише? Остывать вовремя? Я не хочу, чтобы ты после каждой драки попадал за решетку».

— Угу, — буркнул тот, продолжая свое дело. Су Мо замолчал, боясь, что его нравоучения вызовут раздражение.

— Су Мо, ты хоть знаешь, сколько раз я был в ментовке? Еще когда на юге жил.

Су Мо взглянул на его профиль. Стоило признать — Хань Дун был чертовски хорош собой. Черт... не о том он сейчас думает.

— Больше десяти раз. В самый худший раз я избил парня до состояния овоща. Калекой его сделал.

Су Мо вздрогнул. Ему было страшно представить, на что способен Хань Дун в гневе. Этот человек был безумен и беспощаден, а ведь ему всего двадцать. Что же будет, когда он повзрослеет? Либо остепенится, либо станет еще страшнее.

Хань Дун слегка повернул голову и поймал растерянный взгляд Су Мо. Они были так близко, что он чувствовал легкий, чистый аромат, исходящий от кожи парня.

— Боишься меня?

Су Мо поджал губы.

«Нет. Просто считаю, что тебе нужно померить пыл».

Хань Дун внезапно придвинулся почти вплотную. Его низкий голос прозвучал у самых губ Су Мо:

— Если я его померю, как же я тебя защищать-то буду?

От такой близости Су Мо неловко отстранился. Хань Дун лишь криво усмехнулся, его взгляд на мгновение скользнул по краю нижнего белья Су Мо.

Ночью сон никак не шел. Су Мо перевернулся на бок. Хань Дун лежал совсем рядом. В окно лился яркий лунный свет, серебря стоящую в комнате тишину и очерчивая фигуру соседа.

Тот спал без футболки. Одеядо сползло к поясу, обнажая торс. От Хань Дуна веяло какой-то первобытной, животной силой. Сексуальный, мускулистый — он казался воплощением мужской энергии.

Лунный свет и ночная тишина создали слишком интимную атмосферу. Сердце Су Мо пропустило удар. Поддавшись какому-то странному импульсу, он осторожно придвинулся ближе и прижался щекой к теплему плечу Хань Дуна. Слушая его мерный, сильный стук сердца, Су Мо не понимал, почему он так волнуется и отчего внутри всё трепещет.

Он не видел, что в тот самый момент, когда он коснулся его плеча, кадык Хань Дуна судорожно дернулся.

Утреннее солнце принесло с собой странное чувство легкости. Когда Су Мо проснулся, рядом уже никого не было. Он вспомнил свой ночной поступок, и его накрыло волной раскаяния.

«Словно бес попутал... Что это вообще было? Хань Дун ведь мужчина».

Су Мо никогда не влюблялся, но общее представление об этом чувстве — о робости и трепете — имел. Вот только почему эти чувства возникли по отношению к другому парню? Это не укладывалось в голове.

— Проснулся?

Голос Хань Дуна в дверном проеме заставил его вздрогнуть. Су Мо обернулся и, встретившись взглядом с этим красивым, уверенным в себе человеком, почувствовал, как краснеют кончики ушей.

— Я купил тофу-пудинг, поешь. Мне нужно отлучиться по делам.

Су Мо кивнул. Когда Хань Дун уже собрался уходить, Су Мо в порыве беспокойства издал странный звук — то самое жалкое скуление, которому его заставляли подражать те ублюдки.

Хань Дун обернулся и мягко улыбнулся:

— Ты чего?

Су Мо схватил блокнот:

«Куда ты?»

— Отец просил заехать. Если что — звони.

«А в школу?»

— Завтра пойду.

Когда за Хань Дуном закрылась дверь, в квартире стало оглушительно тихо. Позавтракав, Су Мо отправился в книжный. Там всё было по-прежнему: благоухали цветы и царил покой.

— Пришел всё-таки, — Сюй Шуай нахмурился, заметив ссадины на его лице.

Су Мо вежливо и отстраненно улыбнулся. У окна, с книгой в руках, он снова превратился в того самого неприступного и холодного юношу.

— Откуда такие боевые шрамы? — Сюй Шуай, как обычно, принес ему кофе.

«Упал неудачно», — Су Мо привычно хранил дистанцию с посторонними.

— Больше похоже на драку, — вздохнул Сюй Шуай. — Видимо, тот парень был прав: ты не считаешь меня другом. Я зря питал иллюзии.

Су Мо остался невозмутим. Он лишь спокойно улыбнулся и написал:

«Помню, когда-то я считал одного человека другом. А он, как выяснилось, видел во мне только клиента. Пользовался моим доверием, лишь бы я тратил у него деньги, а за глаза звал просто немым. После этого я и нашел твой магазин. Дружба для меня — слишком дорогая роскошь».

Конечно... был еще Хань Дун. Но кто он ему теперь — Су Мо и сам не знал.

Сюй Шуай понимал: за внешней твердостью Су Мо скрывается израненная душа и мощная психологическая защита.

— А я ведь искренне предлагал.

«Дружбу немому?» — Су Мо усмехнулся и уткнулся в книгу.

— Время всё расставит по местам, — улыбнулся Сюй Шуай и протянул ему газету. — Глянь-ка, тут есть кое-что любопытное.

Это была газета с зарубежными новостями. Су Мо пробежал глазами по заголовкам и замер.

«Как вы относитесь к смертной казни для гомосексуалистов в правительстве **?»

— Как думаешь, они заслуживают смерти?

Су Мо поразила не сама казнь, а само слово — «гомосексуальность». Эта статья словно распахнула перед ним дверь в совершенно иной мир. Значит, двое мужчин могут любить друг друга? Или две женщины?

В девяностые о таком почти не говорили. Многие и не подозревали, что в мире существует такая модель отношений. Однополая любовь.

«Это два мужчины?» — Су Мо указал на фото двоих повешенных.

Сюй Шуай удивленно вскинул бровь:

— Ты что, никогда не слышал о гомосексуалах?

«Впервые слышу».

— И как тебе? Не противно? Два мужика всё-таки, — Сюй Шуай внимательно следил за его реакцией.

Су Мо не мог смотреть на снимок — слишком жестоко.

«Я просто не понимаю, как двое мужчин могут...» — он замер на середине фразы.

А что тогда было вчера ночью? Почему он сам прижался к Хань Дуну? К чему была эта утренняя паника из-за его ухода? Неужели это и есть любовь... к мужчине?

Лицо Су Мо мгновенно залило краской. Сюй Шуай, впервые видевший у него такую бурную реакцию, встревожился:

— Эй, ты чего так покраснел? Залихорадило?

Он потянулся к его лбу, но Су Мо резко отшатнулся. Ему было неприятно чужое прикосновение.

«Прости. Не люблю, когда меня трогают».

«Не любишь, когда трогают, а сам к Хань Дуну под бок лезешь... Кошмар...»

Су Мо в сердцах хлопнул себя по лбу и уткнулся лицом в стол, отчаянно дрыгая ногами.

«Ерунда! Бред какой-то! Откуда здесь взяться этой... любви? Мы просто братья...»

Сюй Шуай опешил. У него челюсть едва об пол не ударилась. Обычно сдержанный и холодный Су Мо сейчас вел себя как девчонка — лежал на столе и сучил ногами под лавкой.

В это же время на восточной окраине города, на тенистой аллее, Хань Дун — тот самый, что «поехал к отцу» — на бешеной скорости гнал свой мотоцикл. Ветер так хлестал по лицу, что кожа едва не лопалась, а он во весь голос орал в пустоту:

— Твою мать! Черт! Какая же это всё херня!

<http://bllate.org/book/17506/1659174>